

Свет Тавифы

A woman with long blonde hair, wearing a white, form-fitting, futuristic outfit with a long, flowing cape and white high-heeled boots, stands on a circular, metallic platform. The platform is suspended in a bright blue sky filled with soft, white clouds. A large, bright, glowing moon or planet is visible in the upper right corner of the frame. The overall scene is ethereal and futuristic.

Ирина Дзюбак

Ирина Дзюбак

Свет Тавифы

<https://litres.ru/72146017>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тавифа попадает в футуристический город, где технологии способны менять не только пространство, но и саму природу человека. Возглавив масштабный проект по преобразованию города, она неожиданно оказывается перед выбором: изменять мир или понять, что меняется в ней самой.

Создавая уникальные «алмазы памяти», в которых сохраняются опыт, любовь и мудрость предков, Тавифа находит способ соединить прошлое и будущее. Но чем глубже она погружается в свою работу, тем яснее становится: не всё можно сохранить без потерь.

Это история о выборе, о связи поколений и о том, как далеко могут зайти технологии, если в их основе остаётся человеческое сердце

Содержание

Как жаль, что тем, чем стало для меня	8
Поезд из пункта А, льющийся из трубы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ирина Дзюбак

Свет Тавифы

Посвящается Олегу Григорьеву,
его матери и отцу,
его детям и будущим внукам —
всем, кто жил до нас и будет жить после,
с благодарностью за их историю.

Сегодня вечером жду друзей. Вирус, мой гениальный робот, получил карт-бланш на преобразование дома к приему двадцати пяти гостей с ночевкой. Передвинуть стены, трансформировать мебель – для него это играючи. И вот уже стены, повинувшись его воле, грациозно заскользили, меняя геометрию пространства. Кажется, прощай, южный вид – теперь я очарован завораживающим танцем северного сияния. Идеально! Двадцать пять персональных покоев, каждый с собственным оазисом гигиены, распахнули свои гостеприимные объятия. Внезапно Вирус деликатно коснулся моего плеча, протягивая нечто... Незнакомое. Мягкий, податливый материал, лишенный цифровой сущности. Ни намека на кнопки, ни привычных интерфейсов, словно голос разучился до него дотрагиваться. Не цифровая поверхность, и уж точно не блокнот из кремниевой эры. Начертания... микроскопические, ускользающие от взгляда.

Помещаю артефакт под всевидящее око камеры голографического и молекулярного сканирования. Информационный поток устремляется в недра AI-системы, где происходит чудо реконструкции: восстановление утраченных символов, перевод на язык моего времени. И вот я уже – гость виртуальной реальности, рассматриваю документ сквозь призму времени и пространства, анализирую каждый штрих, словно детектив, стремящийся разгадать тайну его происхождения.

Читаю... Это послание от моей прабабушки или или прапра...Тавифы. Имя, прежде погребенное в архивах памяти. Ее послание – тончайшая нить, связующая меня с давно ушедшей эпохой. Она обращается к своим потомкам, повествуя о рождении города и строительстве дома в котором я живу сейчас.

В далеком 2025 году – представьте, два столетия отделяют нас от этой даты, ведь сейчас 2225 год! – она постигала искусство предпринимательства в «Synergy X», международной колыбели инноваций. Именно тогда миллиардер Игнат Речной, идейный вдохновитель и локомотив «Synergy X», провозгласил о начале амбициозного проекта – строительстве "Города будущего".

Поглощенный магией слов, я не заметил, как из мрачной пасти туннеля, словно призраки из прошлого, выплыли мои друзья, преодолевшие 9000 км за полтора часа. Они бесшумно окружили меня, и их взгляды с нескрываемым любопытством впились в древнее писание. Чернила, источающие аро-

мат вечности, пожелтевший от времени пергамент – все вызвало трепетное изумление, но более всего – содержание. Перевод был завершён, и мы, затаив дыхание, погрузились в глубины истории.

"Моим дорогим потомкам.

Меня зовут Тавифа. Я ваша прабабушка, а может, прапра... Это не так важно. Если вы читаете это, значит, нас уже нет. Или почти нет. Я помню терпкий, дурманящий аромат черёмухового пирога, испечённого ласковыми руками моей бабушки. Помню деда, шепчущего сказки о далёких, мерцающих звёздах, рассыпанных по бархатному небу. Помню, как, прижавшись к нему, тихонько спрашивала: "Почему ты любишь водку?",

А он смеялся – гулко, заразительно, словно в этом смехе жила вся его жизнь – и отвечал: "А почему ты любишь конфеты?"

И мы оба смеялись, каждый о своем, будто эти простые слова были волшебными ключами от нашего маленького, уютного мира.

Я помню свою первую любовь – робкую и чистую, как первый снег, тот самый, что хочется собрать на поднос и смотреть и смотреть.

А потом пришло чудо рождения – оглушительный, пронзительный крик новой жизни, ворвавшейся в мир. Акушерка, склонившись над новорождёнными, тихо напевала: «Носики-курносики сопят...» Я стояла у закрытых дверей дет-

ского отделения, куда нас, мамочек, после родов не пускали, вслушиваясь в эту колыбельную жизни, что звучала за стеной, и понимала: вот оно, наше счастье.

Мы не задумывались о великом, когда возводили города, когда любили до беспамятства, когда стихи сами собой рвались наружу и рождались из самой души. Мы просто жили.

Пожалуйста, помните нас. Помните, что под пеплом истории билось сердца, полные надежд и страстей. И любите друг друга. Это все, что имеет значение. С любовью и надеждой, ваша пра... Тавифа. "

*Как жаль, что тем,
чем стало для меня
твое существование, не стало
мое существованье
для тебя. (И.Бродский)*

С твоим прапрадедом, Саввой, мы познакомились в студенчестве. Помню, сидели в кафе "Снежинка", лакомились мороженым с девчонками. Янтарное мандариновое варенье томно растекалось по белоснежной глади пломбира. Эта шелковистая нежность мороженого и легкая, дрожащая консистенция варенья меня просто заворожили – я впервые пробовала такое сочетание. Легкая горчинка варенья с ледяным мороженым, вспыхивала ярче, создавая удивительный, пьянящий баланс вкусов. И вдруг в кафе, словно порыв свежего ветра, ворвались студенты-механики. Я почувствовала на себе взгляд... обжигающий, всепоглощающий. Невольно улыбнулась в ответ. Серое платье, доставшееся мне от одногруппницы Лариски, словно нарочно делало меня невидимкой. Я думала, ничто не задержит на мне его взгляд. Но он, доев мороженое, подошел. "Меня зовут Савва" – произнес он, словно мелодию. "Тавифа" – прошептала я, завороженная. Красивый, стройный, с благородными чертами лица. Словно

солнечное тепло спелых мандаринов прорвалось сквозь колючую зимнюю стужу, ласково согревая душу. Я протянула к нему руки, будто навстречу самой судьбе. В кафе звучала музыка Виктора Цоя — тихий голос пел: «Я хотел бы остаться с тобой. Просто остаться с тобой...»

А потом мы с Саввой, твоим прапрадедом, отправились строить Байкало-Амурскую магистраль. Представь себе: мы буквально вгрызались в вечную мерзлоту, прокладывая железный путь сквозь глухие тайги, бескрайние болота и молчаливые горы, где человеку будто и не место. Там, где прежде не ступала нога человека, начинали рождаться города — ровные улицы, школы, многоэтажные дома и первые огоньки, загорающиеся в чёрной тьме бесконечных северных ночей. Деревянные шпалы, звеньевой путь, скрип лебедек, гул тракторов и горький запах северного леса...

Когда вы будете читать эти строки, вам, наверное, будет трудно поверить, что поезда тогда плелись со скоростью черепахи — всего 70 километров в час. Восемь долгих дней уходило, чтобы добраться от столичных огней до озера Байкал, а потом еще дальше, к суровому северу, где ледяной ветер рвал лицо. А ночью ты лежишь на верхней полке вагона, слушаешь этот вечный, загипнотизированный ритм: колеса неспешно отстукивают свою песню на стыках рельсов — стук-стук... стук-стук... В вагонах, где не было даже намека на душ, в тесном купе четверо незнакомцев волей судьбы становились товарищами: вместе ели черствый хлеб, ко-

ротали бесконечные вечера, смотрели в промерзшие окна, за которыми одна равнодушная тайга сменялась другой, чтобы прожить это маленькое путешествие сквозь огромную страну.

У меня даже государственная награда есть за строительство этой дороги — дороги мечты, дороги века, дороги молодых сердец, которые бились в такт стуку колес, а порой оставались там навсегда, в мерзлоте и ветрах, чтобы эта магистраль могла протянуться сквозь пустоту до самого горизонта.

– Боже мой, да мы же там были! – невольно вырвалось у меня. И имя мое – словно эхо из прошлого, как у прапрадеда, Савва.

В тот год мы с друзьями, окрыленные жадой приключений, сорвались на Север. Длинная дорога в 7226 километров, тянувшаяся от дома, вмиг истаяла, всего за 2 часа, словно в волшебном мареве сновидений! О, этот зачарованный край! Помните ребята, обратился я к друзьям, как там неистово, до опьянения цветет багульник – дикий рододендрон, чья лиловая красота раз и навсегда пленила наши сердца? Я застыл тогда на склоне горы, утопающей в багряном зареве багульника, словно заколдованная, вбирая в себя неземное сияние... И надпись на скале, словно тень из прошлого: "Дин Рид". Тогда она не отозвалась во мне ничем.

Твой прапрадед был большим поклонником Дина Рида и считал, что его музыка и убеждения отражают дух свободы и

надежды, которые витали в воздухе в то время. Идея назвать улицу в честь него казалась символичной, особенно для места, где начиналась новая жизнь и росла семья. Память об этом забавном предложении и о наших молодых годах, связанных с нашей первой квартирой на этой улице, осталась с нами навсегда.

Савва и наш сын "Ё"-так он называл себя, не в силах выговорить свое имя, - ушли непростительно рано. И теперь, лишь в полуночном забытии, Савва *является мне, призрачный и светлый, и шепчет: "Мы с "Ё" на Севере..."*. И тогда я, захлебываясь отчаянием, мечусь в темноте, крича: "Там же невыносимо холодно!", – и просыпаюсь в холодном поту.

Прошло несколько лет, и началась совсем иная жизнь — ослепительные вспышки славы, стремительные силуэты дорогих автомобилей и восторженные взгляды, которые преследовали меня повсюду. Даже платье, некогда скромное и серое, теперь было от самой Коко Шанель, привезённое прямиком из Парижа. Но каждый день, рассекая воздух на своём красивом кабриолете, я ловлю себя на том, что с щемящей, почти невыносимой тоской вспоминаю то самое мандариновое варенье и простое серое платье, которое когда-то одолжила мне Лариса, моя однокурсница.

*Поезд из пункта А,
льющийся из трубы
туннеля, впадает с
гудением в раскинувшееся
широко... (И. Бродский)*

Я в строю, и вновь меня затягивает бурный водоворот стройки, пульсирующий ритм большого города.

Инженер-строитель с богатейшим опытом за плечами, я, не раздумывая, подала документы на должность проектировщика в этот амбициозный город. До этого моя жизнь неспешно текла у ласковых берегов Черного моря. Но неутолимая жажда прикоснуться к созданию «Города Будущего», города-мечты оказалась сильнее. И я решительно отправилась на стройку. Отбор был жестким: к строительству допускались лишь те, кто всецело разделял политику и принципы «Synergy X». Миссия движения проста и поистине благородна: «Вместе к процветанию!» – создать уникальную атмосферу взаимной поддержки и безграничного доверия, где каждый сможет раскрыть свой потенциал и достичь невиданных высот.

Мир задыхался от перенаселения. Города, устремлялись ввысь, но земля, манящая своей недоступностью, оставалась

неразгаданной сокровищницей. Решением стал амбициозный проект "Ильинская петля" – паутина высокоскоростных тоннелей, призванных связать мегаполисы в единое подземное царство. Наша компания «Scale X Dig» специализировалась на создании высокоскоростных тоннелей нового поколения. Эти тоннели, словно вены, вырвавшиеся из объятий земли, предназначались для дерзких электромобилей "Доркас", призванных покорять подземное пространство со скоростью 240 км/час.

Строительство тоннеля шло в срок, как отлаженный часовой механизм. Параллельное выполнение работ и бурильная машина "Гео-Дрон", разработанный специально для этого амбициозного проекта, работали согласно графику, прогрызая себе путь в сердце земли. Огромные экраны в командном центре, расположенном глубоко под поверхностью, отображали 3D-модели грунта, показания датчиков и потоки данных, словно живую карту подземного мира. Тавифа, уже в должности главного инженера проекта, замороженно стояла перед мерцающей голографической проекцией "Гео-Дрона" – чудовищного, но элегантного механизма, пожирающего земную твердь со скоростью света. Ее взгляд отражался в гранях виртуальной машины, полный гордости и предвкушения.

Рядом с ней стоял Тэн, геолог, седовласый мужчина с уставшими глазами, чей опыт был бесценен.

"Тавифа, у нас проблема," – сказал он, указывая на зло-

вещую красную зону на голограмме. "Гео-Дрон столкнулся с аномальной зоной высокой плотности. Похоже на древний магматический карман."

Тавифа нахмурилась. "Что это значит?"

"Это значит, что обычные буры не справятся. Мы рискуем повредить машину и вызвать обвал "

Тавифа задумалась, тщательно взвешивая все "за" и "против". "У нас есть резервный план?"

На экраны выплыли графики и диаграммы, созданные искусственным интеллектом. "ИИ оптимизировал маршрут, учитывая плотность породы и термальные показатели. Он может контролировать каждый нано-бур, предотвращая перегрев и перегрузку", – зазвучал голос специалиста по AI.

Тавифа повернулась к геологу "Ваше мнение?"

Он вздохнул, чувствуя тяжесть ответственности на своих плечах. "Это наша единственная надежда. Но мы должны быть готовы к худшему."

"Хорошо," – решила Тавифа, ее голос звучал твердо, несмотря на внутреннее напряжение. "Запускаем нано-буры. Специалист по AI, убедитесь, что ИИ работает безупречно. Тэн, поставьте датчики мониторинга грунта на максимальную чувствительность. Мы должны почувствовать любое изменение."

Последующие часы были наполнены напряженным ожиданием, словно время застыло в нервном предчувствии. С экранов лились потоки данных, отображающих работу на-

но-буров. Специалист по AI непрерывно вносил корректировки в программу ИИ, опираясь на данные от датчиков, его пальцы летали над клавиатурой. Напряжение в командном центре было ощутимым, словно густая пелена, давящая на плечи.

Внезапно один из экранов засветился тревожным красным. "Критическое повышение температуры в зоне прорыва!" – закричал Тэн, его голос был полон беспокойства. "Нано-буры перегреваются!"

"ИИ перестраивает маршрут!" – ответил специалист по AI, лихорадочно набирая код, его лицо было залито потом. "Пытается избежать перегрева, перенаправляя поток энергии!"

Но температура продолжала расти, угрожая сорвать всю операцию. На экранах появились признаки деформации грунта, предвещающие неминуемую катастрофу.

Тавифа уставилась на экран, ее лицо выражало решимость и отчаяние. Остановить нано-буры сейчас означало признать поражение. Но рисковать жизнями людей было неприемлемо, это было ее главным приоритетом.

Внезапно специалист по AI выкрикнул, его голос дрожал от волнения: "Тавифа! ИИ обнаружил альтернативный маршрут! Он использует геотермальную энергию кармана для питания нано-буров!"

Тавифа замерла, словно статуя. "Геотермальную энергию? Это безумие! Это нарушает все известные законы физики!"

"ИИ адаптировался к ситуации! Он превратил угрозу в ресурс!" – радостно закричал молодой специалист, чувствуя триумф. "Он нашел способ использовать силу, которая могла нас уничтожить!"

Они, затаив дыхание, наблюдали, как температура стабилизировалась, а нано-буры, используя энергию магмы, прокладывали себе путь сквозь твердь, словно танцуя в объятиях стихии. Напряжение в командном центре, казалось, рассеялось, уступив место восторгу и облегчению.

Через несколько часов, когда Гео-Дрон, целым и невредимым, вышел из аномальной зоны, проходя сквозь туннель, созданный армией нано-буров, в командном центре раздались оглушительные аплодисменты.

Тавифа, уставшая, но счастливая, улыбнулась, чувствуя гордость за свою команду. "Отличная работа, команда! Сегодня мы показали, что невозможное возможно, что человеческая изобретательность не знает границ!"

Эй, Тавифия! Ты это видела? – голос техника прозвучал резко, будто удар молота по броне. Он показал рукой на дисплеи: волновые диаграммы заплясали в безумном танце, и зелёные линии сменились тревожно-красным светом

– В одном из участков... – он сглотнул. – Приборы показывают что-то странное. Это выглядит... будто сама земля шевелится.

На несколько секунд наступила такая тишина, что стало слышно, как гул вентиляции сливается с глухими ударами в

глубине породы.

– Ого... – пробормотала я, стараясь не выдавать дрожь в голосе. – Это не похоже на обычное обрушение.

Рабочий вытянул шею, будто надеясь что-то увидеть в чёрном жерле тоннеля.

Может, всё-таки проверить? – спросил он. – Или... эвакуировать сектор?

Я уже собиралась дать команду, но остановилась. – Или что-то другое... – произнесла я медленно. – Не выключать бур. Пока нет полной картины – не гадаем.

Волнение словно хлынуло волной. Люди бросились к терминалам, пробегая пальцами по экранам. Цифры прыгали, графики рассыпались в хаотичные пики.

Я нажала кнопку, и на главном мониторе появились замедленные кадры с сейсмодатчиков.

Колебания напоминали живую волну, что пробивалась из самых глубин – точно что-то огромное шевелилось в земле, едва не ломая камень на своём пути.

– Слушай, Тавифия... – голос инженера звучал глухо. – Если это сдвиг пластов, мы можем потерять не только оборудование.

– Вызовите геологов, немедленно. – Я старалась говорить спокойно, но ладони стали влажными.

Часы растягивались в вечность, пока специалисты опускались в тоннель. Мы ждали.

А когда они вернулись, их лица были такими, будто они

видели призраков.

– Что вы нашли? – спросила я, подходя ближе.

– Там... – старший геолог облизнул пересохшие губы. – Там целая сеть полостей. Пещеры. Старая, древняя система, о которой в проекте нет ни слова.

– Пещеры? – переспросила я. – Сколько их?

– Десятки. Возможно, больше. Но это ещё не всё. – Он помедлил, прежде чем добавить: – Там есть следы пребывания людей. Артефакты. Наскальные рисунки...

Словно кто-то невидимый сжал воздух вокруг. Никто не произнёс ни слова. Только экран всё ещё показывал волны – теперь уже совсем не похожие на простое движение пород.

Я сделала вдох и подняла глаза на команду.

– Работы... приостановить. – произнесла я, ощущая, как в груди застывает тяжесть.

Неделя прошла под знаком ожидания. Археологи спускались в тоннель, вытаскивали на свет куски загадочной керамики, медные украшения и каменные маски. Говорили, что эти пещеры были ритуальным местом племён, живших здесь сотни лет назад.

Мне казалось, будто мы случайно разбудили чей-то сон.

Когда разрешение на продолжение работ наконец получено, я подняла руку над панелью управления и сказала тихо:

– Мы не должны больше недооценивать землю, по которой ходим. Они требуют объяснений. – голос начальника участка, звучал сдержанно, но в нём пряталась напряжённая

струна

– Кто – «они»? – спросила я, хотя уже знала

– Инвесторы. Совет. Партнёры. Все, кто вложил миллиарды в этот проект. У них нет времени на наскальные рисунки. Им нужен тоннель. В срок.

Я молчала. Не потому что не было, что сказать. Я не доверяла своему голосу – он мог сорваться.

– Они просят представить отчёт завтра. Если решение будет отрицательным – продолжим бурение по исходному маршруту. Без обхода.

– То есть через пещеры? – я подняла взгляд. – Через ритуальное захоронение? Через священные места, которых никто не трогал сотни лет?

– Да. – он не отвёл взгляда. – Если ты не докажешь, что это важно.

Ночь перед советом я провела в архиве данных. Я смотрела на сканы артефактов, на снимки узоров, выбитых на стенах пещеры.

На одной из стен была нарисована спираль, уходящая вглубь. В центре – силуэт человека, стоящего под землёй, окружённый светом.

– Проводник. – сказала археолог, которую я вызвала к экрану. – В их мифологии это существо, сопровождающее души в нижние миры. Эти места были порталом между мирами живых и мёртвых.

Меня охватил холод, будто я стояла у границы, через ко-

торию нельзя переступить.

Совет проходил в стеклянном зале над землёй, но я всё ещё чувствовала вибрации тоннеля под ногами.

На экране висела карта маршрута. Красная линия – прямой путь. Синяя – с обходом пещер.

– Мы уже потеряли семь дней – сказал один из инвесторов, седой и сухой, как калька.

– Задержка обойдётся нам в 312 миллионов кредитов.

– Задержка – это не потеря, – ответила я. – Потеря будет, если мы уничтожим то, что уже нельзя вернуть.

– Это... наскальные рисунки. Камень. Что в этом такого?

Я нажала на пульт, и зал погрузился в полумрак. На стенах развернулись проекции

– Смотрите. Это не просто «камень». Это след цивилизации, которой больше нет.

На экране появился фрагмент маски, вырезанной из обсидиана.

Они верили, что земля – живая. Что проход сквозь неё – это не просто движение. Это диалог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.